

УДК 008

DOI: 10.34670/AR.2022.28.19.021

Трансформации коммеморативных практик в культуре современной России

Москвина Ирина Константиновна

Кандидат философских наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный институт культуры,
член Международной ассоциации историков искусства
и художественных критиков,
191186, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 2;
e-mail: i.moskvina@mail.ru

Аннотация

Духовный и эмоциональный потенциал коммеморации содержит в себе культурные коды нации, в символической форме отражающие ценностные парадигмы ее исторического дискурса. Анализируя парадоксы исторической памяти, М. Хальбвакс обращался к феномену забвения и вытеснения. Идеи Хальбвакса в начале XXI века все больше подвергаются пересмотру. Ряд исследователей указывают, что понятие «коллективной памяти» метафорично, есть только индивидуальная память. Постмодернистский подход к отрицанию феномена коллективной памяти имеет в своей основе стремление отвергнуть идею коллективной ответственности. Вместе с тем сама идея личной памяти как более гуманистического подхода к концепции коллективной памяти приобретает все больше сторонников. Артефакты, относящиеся к индивидуальной памяти о важнейших событиях в отечественной истории, вызывают большой интерес у исследователей, коллекционеров и музейных сотрудников.

Для цитирования в научных исследованиях

Москвина И.К. Трансформации коммеморативных практик в культуре современной России // Культура и цивилизация. 2022. Том 12. № 2А. С. 166-170. DOI: 10.34670/AR.2022.28.19.021

Ключевые слова

Коммеморация, трансформация, коллективная память, индивидуальная память, визуализация исторической памяти, военные реликвии, военный антиквариат, «милитари-мода», коллекционирование.

Введение

Сохранение коллективной памяти как существенного элемента историко-культурной преемственности является важнейшим условием самоидентификации народа. Коммеморация, опираясь на материальные компоненты коллективной памяти, закрепляет и визуализирует ее. Духовный и эмоциональный потенциал коммеморации содержит в себе культурные коды нации, в символической форме отражающие ценностные парадигмы ее исторического дискурса, культурные коды восприятия настоящего сквозь призму прошлого. Значение коммеморации возрастает во времени, отделяющем настоящее от значимого события прошлого. Коллективная память избирательна, она обусловлена рядом причин ценностного, смыслового, идеологического и иного характера. В своей концепции «коллективной памяти» Морис Хальбвакс отмечал, что «рамки памяти» подразумевают наличие определенных критериев, по которым народами или социальными группами выбирается то или иное событие и оценивается его значимость [Хальбвакс, 2005]. Вместе с тем, пока есть реальная память о событии и его носителях, нет необходимости закреплять ее в тех или иных материальных формах.

В основе коммеморации лежат, как правило, событие или личность, составляющее ее ядро, а также мифологема, составляющая вокруг него ценностное эмоционально-образное пространство, ритуал. Подлинность традиции во многом зависит от того, что общество предпочитает помнить и что оно хочет забыть. Идеологизированное воздействие на коллективную память было направлено и на стирание прошлого, и на создание новой парадигмы. Стирание коллективной памяти о Первой мировой войне в советский период истории служит ярким примером того, что последующая коммеморативная практика имела четкую негативную идеологическую направленность. В последние годы российская гуманитарная наука отмечена стремлением соединить все ветви отечественной истории и культуры. Эта тенденция нашла отражение в возросшем интересе к забытым либо намеренно замалчиваемым ранее страницам военной истории, таким, как уже упоминавшаяся первая Мировая война, белое движение, финская компания. Артефакты, относящиеся к этим важнейшим событиям в отечественной истории, привлекают большой интерес исследователей, музейных работников и коллекционеров. Эти артефакты тем более интересны, что долгое время находились в забвении из-за существовавших в советское время идеологических ограничений.

Основная часть

Параллельно с искоренением старой традиции военной истории новая власть порождала свою новую, создавая советскую семантику военного подвига. Были введены советские ордена (первым в 1918 году был учрежден Орден Красного Знамени), возрождена на новых идеологических основах традиция наградного оружия. Награды первых лет советской власти были овеяны революционной романтикой. В сознании многих поколений советских людей они являлись выдающимися историческими реликвиями, символами великой эпохи. Они были включены в живую историческую ткань советского периода, олицетворяя собой воодушевляющий пример для грядущих поколений подвигов отцов и дедов во имя борьбы за светлое будущее. Коммеморация, посвященная исторической памяти о Великой Отечественной Войне советского периода, была насыщена мифологемами и символическими образами, олицетворявшими величие Победы в контексте гипертекста советской истории.

Грандиозность памятников и мемориалов, выбор «мест памяти» (Пьер Нора), торжественные ритуалы, связанные с ними, – все репрезентировало, прежде всего, господствующую идеологию Советского государства. Анализируя парадоксы исторической

памяти, М. Хальбвакс обращался к феномену забвения и вытеснения. Что надо забыть? Что надо помнить? Эти вопросы определяли отношение к тем или иным событиям прошлого. Так, в советское время не было принято вспоминать о трагедии Ржевской операции. Только в наши дни это трагическое «место памяти» ВОВ было удостоены коммеморации: был создан мемориал, закрепляющий память о почти миллионе погибших подо Ржевом защитников Отечества.

Идеи Хальбвакса в начале XXI века все больше подвергаются пересмотру. Ряд исследователей указывают, что понятие «коллективной памяти» метафорично, есть только индивидуальная память, хотя Хальбвакс обращался именно к памяти социальных групп. Так, представитель подобного подхода историк Райнхард Козеллек (1923–2006) утверждал: «Мой тезис гласит: я могу вспомнить лишь то, что пережил сам. Воспоминания привязаны к личному опыту» [Koselleck, 2016]. Постмодернистский подход к отрицанию феномена коллективной памяти имеет в своей основе стремление отвергнуть идею коллективной ответственности, в частности, за преступления фашистской Германии во время Второй мировой войны. Вместе с тем сама идея личной памяти, как более гуманистического подхода к концепции коллективной памяти, приобретает все больше сторонников. Это находит отражение и в новых принципах коммеморации. Самым ярким примером личной истории в контексте историко-патриотического движения является проект «Бессмертный полк». Его ценность состоит во многом в том, что он родился не в кабинетах чиновников. Это движение, основанное на личной истории каждой семьи, вылилось в грандиозный коммеморативный проект, отразивший коллективную память народа – победителя.

В наши дни парадигма ценностных представлений об истории ВОВ и официально-государственной коммеморации все больше сдвигается в сторону интереса к личной истории, к таким темам, как повседневность войны, войны в ее человеческом измерении. Образ коллективной народной памяти о Великой Отечественной Войне становится все более «человечным», личностно ориентированным. Однако спустя 75 лет после великой Победы круг носителей реальной памяти с каждым годом сужается, поколение победителей почти ушло. Тем больший интерес вызывают военные реликвии и артефакты, являющиеся материальными носителями памяти о войне. Появление этих реликвий во многом связано с деятельностью поисковых отрядов, как официальных, так и не официальных. Найденные артефакты весьма разнообразны по своему историко-культурному значению. Безусловную ценность представляют реликвии, которые дают возможность установить личность погибших бойцов. Однако самые разнообразные артефакты – бытовые вещи, остатки блиндажей, личные вещи красноармейцев и даже их противников, находившихся по ту линию фронта, дают возможность составить иной образ войны. Эти реликвии зачастую становятся основой народных музеев, а также личных коллекций [Пянкевич, 2021]. Так, например, на основе реликвий, найденных в ходе поисковой работы, был создан музей Великой Отечественной Войны при храме иконы «Всех скорбящих радости» на Шпалерной улице Петербурга. В экспозиции музея в большом количестве представлены нательные кресты, найденные на месте боев за оборону Ленинграда. Эти находки показывают, что массовый атеизм был идеологической мифологемой. Подъем интереса к военной истории, появление в результате поисковой работы множества новых артефактов породили своеобразную моду на коллекционирование военного антиквариата. Новое, более либеральное законодательство, дало возможность создавать самые разнообразные коллекции, в том числе и с военной тематикой. Разумеется, коллекционирование оружия и в наши дни подпадает под закон «Об оружии», но собирательство военного антиквариата имеет самое широкое поле для реализации пристрастий коллекционеров. Предметом гордости коллекционеров становится буквально все: военная амуниция, знаки различия, бытовые

предметы, оптика и, разумеется, ордена и медали. «Милитари-мода» получила чрезвычайно широкое развитие, она стала все более специализированной. Коллекционеры создают различные объединения. В настоящее время развитию «милитари-моды» на военный антиквариат содействует развитие интернет-аукционов. Специализированные сайты пестрят различными предложениями, от шлема русского воина XII-XIII веков и до государственных наград Советского Союза. Все имеет свою цену, установленную рынком антиквариата. Представляет, например, интерес коллекция портсигаров, собранная частным собирателем. В ней представлены портсигары советских бойцов, часто украшенные пятиконечными звездами и патриотическими лозунгами и именами самих владельцев. В другой частной коллекции представлены портсигары немецких солдат, воевавших под Ленинградом. Интересно отметить, что на них нет фашистской символики. Надписи и картинки носят, как правило, сентиментальный ностальгический характер. Эти молчаливые свидетели времени передают неповторимую атмосферу военных лет, личное восприятие событий.

Заключение

Таким образом, в настоящее время российская гуманитарная наука стремится соединить все ветви отечественной истории и культуры. Идея личной памяти как более гуманистического подхода к концепции коллективной памяти приобретает все больше сторонников. Артефакты, относящиеся к индивидуальной памяти о важнейших событиях в отечественной истории, вызывают большой интерес у исследователей, коллекционеров и музейных сотрудников.

Библиография

1. Арьес Ф. Время истории. М., 2011. 304 с.
2. Мегилл А. Историческая эпистемология. М., 2007. 480 с.
3. Мильорати Л., Мори Л. Тень классического наследия и её преодоление. Память о движении сопротивления и «конфликтность» памятных мероприятий // СОЦИС. 2014. № 1. С. 107-115.
4. Пянкевич А.В. Находки поисковых отрядов как объект культурного наследия: музейные и внемузейные практики интерпретации: автореф. дисс. ... канд. культурологи. СПб., 2021.
5. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2.
6. Хаттон П. История как искусство памяти. СПб.: Владимир Даль, 2004. 424 с.
7. Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 47-62.
8. Koselleck R. Gibt es ein kollektives Gedächtnis? («Существует ли коллективная память?»). М., 2016.

Transformations of commemorative practices in the culture of modern Russia

Irina K. Moskvina

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Saint Petersburg State Institute of Culture,
Member of the International Association of Art Historians
and Art Critics,

191186, 2 Dvortsovaya nab., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: i.moskvina@mail.ru

Abstract

The spiritual and emotional potential of commemoration contains the cultural codes of the nation, symbolically reflecting the value paradigms of its historical discourse. Analyzing the paradoxes of historical memory, M. Halbwachs turned to the phenomenon of oblivion and repression. The ideas of Halbwachs at the beginning of the 21st century are increasingly being revised. A number of researchers point out that the concept of "collective memory" is metaphorical, there is only individual memory. The postmodern approach to denying the phenomenon of collective memory is based on the desire to reject the idea of collective responsibility. At the same time, the very idea of personal memory as a more humanistic approach to the concept of collective memory is gaining more and more supporters. Artifacts related to the individual memory of the most important events in Russian history are of great interest to researchers, collectors and museum staff.

For citation

Moskvina I.K. (2022) Transformatsii kommemorativnykh praktik v kul'ture sovremennoi Rossii [Transformations of commemorative practices in the culture of modern Russia]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 12 (2A), pp. 166-170. DOI: 10.34670/AR.2022.28.19.021

Keywords

Commemoration, transformation, collective memory, individual memory, visualization of historical memory, military relics, military antiques, "military fashion", collecting.

References

1. Ar'es F. (2011) *Vremya istorii* [Time of history]. Moscow.
2. Khal'bvaks M. (2005) Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat' [Collective and historical memory]. *Neprikosnovennyi zapas* [Emergency reserve], 2.
3. Khatton P. (2004) *Istoriya kak iskusstvo pamyati* [History as the art of memory]. Saint Petersburg: Vladimir Dal' Publ.
4. Khobsbaum E. (2000) Izobretenie traditsii [Invention of traditions]. *Vestnik Evrazii* [Bulletin of Eurasia], 1, pp. 47-62.
5. Koselleck R. (2016) *Gibt es ein kollektives Gedächtnis? ("Sushchestvuet li kollektivnaya pamyat'?")* [Gibt es ein kollektives Gedächtnis? ("Does collective memory exist?")]. Moscow.
6. Megill A. (2007) *Istoricheskaya epistemologiya* [Historical epistemology]. Moscow.
7. Mil'orati L., Mori L. (2014) Ten' klassicheskogo naslediya i ee preodolenie. Pamyat' o dvizhenii soprotivleniya i «konfliktnost'» pamyatnykh meropriyatiy [The shadow of the classical heritage and its overcoming. Memory of the resistance movement and the "conflict" of commemorative events]. *SOTsIS*, 1, pp. 107-115.
8. Pyankevich A.V. (2021) *Nakhodki poiskovykh otryadov kak ob'ekt kul'turnogo naslediya: muzeinye i vnemuzeinye praktiki interpretatsii. Dokt. Diss. Abstract* [Findings of search teams as an object of cultural heritage: museum and non-museum practices of interpretation. Doct. Diss. Abstract]. Saint Petersburg.